

ISSN 0130-7675

НОВЫЙ МИР

НОВЫЙ
МИР

1997

4

1997

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 4(864)

Апрель, 1997 г.

Учредитель — редакция журнала «Новый мир»

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ — Роман с простатитом	3
ЕВГЕНИЙ РЕЙН — На золотом пляже, стихи	59
ЕЛЕНА УШАКОВА — В каплях воды, муравьях и осах, стихи	64
СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН — Ирунчик, маленькая повесть	68
АНАТОЛИЙ КИМ — Два рассказа	88
ЭЛЬМИРА КОТЛЯР — Ты, стихи	112
РАССКАЗЫ ИЗ ПОЧТОВОГО ЯЩИКА — Владимир Насущенко. Плотник и его жена; Виталий Снежин. Свидание; Станислав Сла- вич. Цацка; Аркадий Пастернак. Иванов на крыше; Владимир Курносенко. Контактеры; Юрий Цаплин. Дух вместо человека	116

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ — Из лирики. Перевели с польского Виктор Коркия и Наталья Астафьева	148
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

ВЛАДИМИР ОШЕРОВ — Властители дум	152
----------------------------------	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ВИТАЛИЙ ШЕНТАЛИНСКИЙ — Марина, Ариадна, Сергей	160
--	-----

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

А. СОЛЖЕНИЦЫН — «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова. Из «Литературной коллекции»	191
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ИРИНА РОДНЯНСКАЯ — Сюжеты тревоги. Маканин под знаком «новой жестокости»	200
---	-----

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

По ходу текста

АНДРЕЙ ВАСИЛЕВСКИЙ — Назначающий жест 213

ОПЫТЫ

СВЕТЛАНА ЧЕКАЛОВА — «Лживая, безжалостная, неверная» —
«добрая, милая, славная» 220

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Никита Елисеев. Писательская душа в эпоху социализма 225
Татьяна Морозова. Скорее являются запятая чем не являются 236
Татьяна Касаткина. На грани двух миров 238
Алексей Козырев. Философ из зазеркалья 243

БИБЛИОГРАФИЯ

Книжная полка (составитель Сергей Костырко) 248
Периодика (составитель Андрей Василевский) 252
SUMMARY 256

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наш индекс 70636 в каталоге издательства «Известия» (спрашивайте во всех отделениях связи).

Вы можете оформить льготную подписку на «Новый мир» непосредственно в редакции по адресу: Малый Путинковский переулок, 1/2 (м. «Пушкинская», «Чеховская», «Тверская»), в понедельник, вторник, среду, четверг с 10 до 18 часов, в субботу с 10 до 13 часов. Здесь же можно приобрести отдельные номера журнала. (Справки по тел. 200-08-29.)

Распространением журнала «Новый мир» за рубежом занимаются: германская фирма «Кубон унд Загнер» (Kubon & Sagner. D-80328 München Germany. Tel. (089) 54-218-130. Telex: 5216711 kusa d. Fax (089) 54-218-218);

акционерное общество «Международная книга» через своих контрагентов в соответствующих странах (их адреса можно узнать в АО «Международная книга»: 117049, Россия, Москва, ул. Большая Якиманка, 39. Факс (095) 238-46-34. Телефон (095) 238-49-67. Телекс 41160);

американская фирма «Ист Вью Пабликейшенз» (East View Publications, Inc. 3020 Harbor Lane North Minneapolis, MN 55447 USA. Tel. (612) 550-0961. Fax (612) 559-2931. В Москве тел./факс (095) 144-00-55, (095) 144-01-89).

Просим зарубежных подписчиков и покупателей «Нового мира» обращать внимание на обложку журнала. За пределами России и стран СНГ наш журнал распространяется только в специальной экспортной обложке — белой, с надписью «Novu Mir»; торговля журналами в голубой обложке не является законной.

Из общего тиража Институт «Открытое общество» выписывает и направляет ежемесячно в библиотеки России и ряда стран СНГ 2189 экземпляров журнала «Новый мир».

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

А. СОЛЖЕНИЦЫН

«СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА» ЮРИЯ ТЫНЯНОВА

Из «Литературной коллекции»

Я стал читать эту книгу всего лишь потому, что ждал: тут узнаю много о Грибоедове (1927 — не к столетию ли смерти Грибоедова писал?). Немало и узнал, правда (и, надо думать, бóльшая часть фактически достоверна). Но узнаём ли мы тут того автора «Горя от ума», который мог донести любовь к родине даже до замороженных школьников ранних советских лет, сквозь мертвенный лязг марксистской социологии? Нет. Нет. Отчасти оттого, что ось романа недостаточно сфокусирована на характере Грибоедова, стержень повествования многократно расплывается, расслаивается. (Да если б весь роман только и предназначался для обрисовки одного характера — так уж слишком и длинён.)

Грибоедов как *писатель* — в романе почти не выступает. Мелькает, что критический взгляд на Москву, взгляд «Горя от ума», — когда-то начался с тифлисской горы Давида. (Предположение? достоверность? обоснования нет. Но и так накинуто со стороны: «В нём есть свободный тон, старый, московский».) Мелькает, что писал трагедию во время дипломатических переговоров — и это давало ему лёгкость и превосходство в дипломатии (весьма вероятно), что порой пишет стихи в посольстве. Но вот он мучается литературными неудачами: «Умею ли я писать? Ведь у меня есть что писать. Отчего же я нем, нем как рыба?» После чтения в писательском кругу, хотя и хвалили как будто, — а понял, что трагедия его дурна. В самом уже конце книги мимоходом узнаём, что когда-то у Грибоедова была мысль «перевернуть всю словесность русскую, вернуть её к истокам простонародья» — и в это я верю! (Но не такую жизнь ему для того надо было вести.) И, как следствие неудач? — «сволючь литературных самолюбий была ненавистна Грибоедову. Он втайне ненавидел (?) литературу. Она была в чужих руках, всё шло боком, делали не то, что нужно». Вот — и Пушкин стесняет его? и при беглой встрече, и за писательским обедом, Тынянов даёт просквозить даже неприязни. От тяжести писания — к писателю такой лёгкости — наверно, может и быть.

Эти рассыпанные по роману немногочисленности всё же дают довольно определённую зарисовку. А ещё ж грузней в литературное отчаяние Грибоедова входила невозможность напечатать «Горе от ума» — отчего и сама блистательность пьесы могла для него затуманиться.

И тем более — при большой воле, Грибоедов должен же был искать другие жизненные пути. Один из них — прямая служебная карьера, по которой он и двинулся. Другой — проект создания Закавказской торгово-административной компании, наподобие Ост-Индской. Почти отдельная держава, проект весьма заносчивый, с правом строить крепости, объявлять войны, двигать войска.

Рамки романа как раз и захватывают попытки движения этого уже созданного проекта — и крах его. Может быть что-то подобное и было бы тогда по-

лезно для укрепления и развития столь злополучно присоединённого нами Закавказья. Но в верхах министерства иностранных дел проект встречает или непонимание (Нессельроде), или зависть перехватить проект себе (Родофинкин). И Грибоедов падает духом, сам уже сомневается: был ли этот проект «расчётом или любовью»? — А от уцелевшего второстепенного декабриста Бурцова он выслушивает сокрушительный разнос: «Вы крестьян российских сюда бы нагнали как скот, как негров, как преступников. На нездоровые места, из которых жители бегут в горы от жары. Стыдитесь!» Да, пожалуй ведь, и — дальновидная критика, может без этого мужичьего нагону и не обошлось бы.

А в оставшейся служебной карьере — неизбежно угождать и даже льстить начальству, иначе не продвинешься. И Тынянов неловко, даже на первых страницах, передаёт мысль Грибоедова так: «Ценою унижения надлежало добиться своего. Они скажут: Молчалин, вот куда он метил». Неловко так сразу прямо брякнуто, а по сути-то верно. (Разбирая лет сорок назад, ещё в лагере, самую комедию, я тоже пришёл к выводу, что Грибоедов неволью выписал Молчалина как бы неуязвимым для критики от Чацкого.) Через сотню страниц Тынянов и ещё повторяет: «Дело ясно: он играл Молчалина». (Тут возникает предположение, что и Тынянов писал, смутным намёком, о себе.) — И ещё раз, мыслями Грибоедова же о себе: «Он был прям, добр. Он просил прощения за свою косую жизнь, за то, что он ловчится». — И как, правда, среди всех них держаться, если он хочет продвинуться и утвердиться? Сознательно и с умением он входит в высокий круг; даже перед своим родственником Паскевичем приходится выражаться услужливо-елейно.

А какой мотив усмотреть в желании преуспеть — вообще-то очень человечески естественном? Может и никакого бы больше, но Тынянов подозревает у Грибоедова жажду власти. Все его действия, де, «были подготовкой, условием для того, чтобы здесь [в Петербурге] владеть толпой». При виде Паскевича: «Вот она, власть. Вот он держит судьбу России в своих коротких пальцах. Как это страшно. Как это упоительно»; «хотя он и ругал Паскевича и Нессельроде, он уважал их всё-таки», «вкус служебной субординации был у него на губах». И Бурцову вложено, что у Грибоедова манеры как у покойного Пестеля. Но за всем тем — версия жажды власти остаётся недоказанной, непроявленной. Да и — мудрено бы, при том сложно-пёстром характере Грибоедова, как его представляет Тынянов.

«Он по большей части любил людей с изъянами» (отсюда и дружба с Булгаринным?). «Людей он знает, и люди тошны ему по этой причине»? «Навсегда ли отяготело над ним его же неуклюжее и со зла сказанное слово: горе от ума? Откуда этот холод, пустой ветерок между ним и другими людьми?» Вот он отнёс собеседника «к унылым людям, одержимым удачей». А для самого: «когда важное дело близится к успешному концу — дела этого более не существует», это бы — очень высокий характер! Верится, что Грибоедов — такой, да. Но чем объяснить, вот, его бессмысленную, долгую задержку в Тифлисе перед Персией — просто слабостью души? отвращением к своему служебному долгу? (И англичане на этой задержке обыгрывают его.) Неожиданно предлагает Тынянов и такое объяснение: «Это была скука, та, что в молодости двигала его пером, бросала его от женщины к женщине, заставляла его стравливать людей на снежном поле», то есть в дуэлях. (К этому подброшен ещё намёк, что в 1817 Грибоедов «сосводничал Истомину», прославленную балерину.) И добавлено в другом месте: «Скука была везде. Войны возникали из-за неё» (?). Какой же стандарт онегинско-печоринский, неужели Грибоедов всего лишь таков? И где же высшие сферы его жизни, которые несомненно же были?

К странностям характера Грибоедова мы до поры относим и его неприязнь к родному дому и к матери, пока не убеждаемся, что мать его — эгоистичная прорва (её неискренний характер хорошо выражен в письме, пришедшем к сыну в Тебриз). А между тем именно сыновний долг — удовлетворить жадность матери — и ведёт Грибоедова принять незаманчивый пост посланника.

(Не только: и прямой расчёт честолюбия и карьеры, конечно.) — Ещё более странна насквозь, через весь роман, привязанность Грибоедова к своему мерзкому слуге Сашке: прощает ему все пакостные выходки. И только под конец узнаём, что Сашка — его единокровный брат, внебрачный. (Но странно, что Сашка о том не знает; или всё же знает?) Так Грибоедов снова удивляет нас примером верности долгу. И даже в момент разгрома посольства он поражён больше сознанием — «убили Александра!», чем гибелью казаков вокруг, чем угрозой самому себе.

Не менее странна и женитьба на Нине Чавчавадзе: какая ж тут любовь, какой тут выбор? Слегка поколебался между двумя кузинами и по случайному поводу — чужому восторженному взгляду — выбрал Нину. Но и это, и терзания с балериной Телешовой — объяснимы: для таких мужских характеров воли, долга и дела — отношения с женщинами сильно второстепенны.

Во всей этой нескладности, напряжённости жизни Грибоедов к скорому своему концу, уже в 1829, за несколько месяцев до смерти, — «по ночам молился. Случилось раз — заплакал. Таков уж он был. Старел он быстро».

Может быть — всё и так. Но чтоб это в единстве зажило перед нашими глазами — Тынянов не доработал характера. Духовно высокого Грибоедова-писателя мы так и не увидели.

Да вообще: главный ли замысел Тынянова — осветить нам характер Грибоедова и его загадки? Не много ли больше его занимает в сравнении — возвышенный, как он видит, образец декабристов? Несколько раз они ударяются в книгу, прорывают ткань романа острями напоминаний. То вот — декабрист Бурцов спасает военные действия Паскевича. То на петербургско-чиновно-генеральском обеде Грибоедов соседает за столом с бывшим следователем своим по декабрьскому делу, и с генералом — вешателем декабристов, — и вот они все теперь в едином ряду? То (и это уже без меры) на тифлисском параде выделяется успешливый предатель Майборода. Такая постоянная привязка всего происходящего в координаты декабристов — кажется уже и искусственной. Да, по советским меркам несомненно: и весь Грибоедов и Пушкин со «Стансами», конечно, ниже декабристов. Богатыри — не вы... Но даёт Тынянов однажды прорваться подпепельному огню Грибоедова: когда тот кидает Бурцову, что победи декабристы — разодрались бы они из-за несходства своих дальнейших проектов. А ещё: «вы бы как мужика освободили? Сказали бы вы бедному мужику российский кому: младшие братья, временно, только временно, не угодно ли вам на барщине поработать. И Кондратий Фёдорович это назвал бы не крепостным уже состоянием, но добровольной обязанностью крестьянского сословия. И, верно, гимн бы написал». (Сцена Грибоедов — Бурцов — из лучших в романе.) Другой же раз — в тяжёлом тегеранском сидении — Грибоедов осмеливается побудить Паскевича просить императора об амнистии Александру Одоевскому, правда, другу юности своей.

Последовательно и убедительно обрисованы твёрдая воля и мужество этого столь штатского молодого человека в очках: сцена выручки бессудно избиваемого воришки на Адмиралтейском бульваре; расправа с маркизом-доносчиком в Тифлисе; выразительное молчаливое сидение на приёме у шаха (не думаю никак, чтобы целый час, но даже и 10 минут промолчать — это какая воля!); «он никогда не бегал от опасности; стыдно тому, кто ушёл, не совершив своего дела»; и хладнокровие же и величие при набеге толпы: «надел шитый золотом мундир, а на голову треуголку, как на парад» — и распоряжается обороной и стреляет сам. То, что автор удачно формулирует: «острый запах судьбы вокруг человека». Как оскорбился за Россию от слов Сенковского: «Вы, кажется, забыли, что я тоже русский и трепать имя русское почитаю предосудительным» (нам бы так сегодня...). И ведь из патриотического же чувства он загорелся вернуть дезертира-вахмистра Самсона. «Он более не думал ни о Нессельроде, ни об Англии, не вспоминал о Петербурге, он думал о беглом вахмистре» (после оскорбительной сцены, тоже из лучших в романе, если

не самой лучшей: русской строевой песни дезертиров на марше мимо русского посольства). И из-за этого вахмистра — да и всего отряда — он решает отложить отъезд из Тегерана на день — и этим себя погубил. «Острый запах судьбы вокруг человека»... (Точно ли так было исторически?) И — добивается решения двора о выдаче. Но тут — подвернулся армянин-евнух из шахского гарема, просящий возврата на родину. Столкновение долга — и долга: «Если русский подданный приходит под русское знамя и находится под его покровительством — я не могу его выгнать из посольского дома». — Это и погубило Грибоедова.

Всё вместе — даёт нам нечастый в русской литературе образец, как сочается воля, долг, мужество и патриотизм.

И не так обидна смерть Грибоедова, и не так оскорбительно измывание грубой персидской толпы над его трупом, как посмертное оболгание его и его действий: сперва изворотливым предателем посольским секретарём, потом это проникает и в официальные документы Нессельроде и, характерно для его вялой политики, — торжественный приём персидской делегации в Москве и в Петербурге, величественный приём у царя, и царские слова (если Тынянов их не придумал, а вполне мог по своему настрою, выраженному в книге): «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие», и даже простили Персии 9-й и 10-й выкупы по Туркманчайскому (грибоедовскому!) миру (а уже наверно так?). Балы, обеды, веселье в Петербурге, — а от известия о смерти Грибоедова там «какое-то равнодушие было, равнодушие общее. Удивления не было».

Тынянов — не мог избежать, и правильно, кончить книгу встречей грибоедовских (мнимых?) останков с Пушкиным, едущим в Эрзерум. И конец такой, и пушкинская оценка умершего сами ломятся в книгу из-под пушкинского пера. Конечно, использовать пушкинские слова о Грибоедове Тынянов, по условиям романа, мог лишь частично и фрагментарно. Но кто прочтёт рядом последнюю главу «Вазир-Мухтара» и соответствующие строки из Пушкина — увидит, что главное, яркое — и цельное! — здесь пропущено, не схвачено.

От беллетристического ли это неумения? Или от того, что Тынянов — если судить только по этой книге — от Пушкина сколько-то отстраняется. Самого бы Пушкина отблеск он мог дать в романе куда полней и верней. Но даёт его с большой остороженностью. Тот же ли «декабристский» взгляд помешал Тынянову? — «Тут Пушкин поморщился: „Полтавская битва. Не будем говорить о ней. Поэма барабанная. Надобно же им кость кинуть”». Пушкин мог ощущать перебор в «барабанности» (хотя — ещё и сомнительно), но чтобы так цинично смотреть и так презрительно сказать? Откуда у Тынянова такая уверенность? (Или где-нибудь след есть?) А уж тем более о «Стансах» (которыми «приобрёл сколько новых врагов») — «Николай покорял его, потому что Пушкин был человек другой породы», «казни прощались Николаю, как и Петру». Да разве сравнимо? пять прямых мятежников — или вся изуродованная Петром народная жизнь? Безответственно бросил Тынянов да ещё как бы приписал Грибоедову эту мысль. Тут же и: Пушкин — «тонкий дипломат»? Чувству Грибоедова приписана зависть: «быстрый и удачливый Пушкин», и такое объяснение: «Очень быстр, прыгает, и вдруг холоден и вежлив. Вообще человек светский, любит блистать. Может быть добрый человек. Я его близко не знаю». Резче того: «Пушкин казался ему непомерным выскочкой, временщиком поэтов».

Та же «декабристская» пристрастность взгляда, да, скажу, и — холодность к России, этому «мышьему государству», — подвинули Тынянова на ложный шаг: открыть книгу зло-памфлетным введением, совершенно ненатуральным, измышленным по схеме, и написанным залихватски, хлёстко, в жажде афористичности. Вся противороссийская традиция, какая была когда в прошлые века, — вся здесь. И — пафос автора, который никак не помогает убеждению читателя, удары по готовым штампованным клавишам. Вдруг: «с Лермонтова

идёт по слову и крови гнилостное брожение» — это столько углядел в Лермонтове изысканный литературовед и хочет поскорей, наспех внушить и читателю? От всего этого неудавшегося тыняновского политического предварения к роману такой неприятный удар — впору и вовсе бросить книгу на 3-й странице, я уж было заколебался.

А ведь Тынянов — *и не мог бы* без такого предварения обойтись. Тут сконцентрирована едкость его взгляда. К манере язвительного комментария он не раз ещё потом в романе возвращается. Местами это воспринимаешь как авторскую брезгливость и к материалу и к персонажам. И однажды обнажился ещё так (однако приписывая эту мысль Грибоедову): «И спал за звёздами далёкий, необычайно хитрый, император императоров, митрополит митрополитов — Бог. Он посылал болезни, поражения и победы, и в этом не было ни справедливости, ни разума».

В. Шкловский объяснял как-то: Тынянов ушёл в историческую беллетристику оттого, что «загородили пути науке». Не знаю, настолько ли уж загородили — по периоду Николая I да при декабристском подходе? — но ясно, что решение Тынянова было не органичным, не от прямой романической пружины. Его романы и выросли из его исторических и теоретических исследований. Преимущество специалиста — многознание (вот, например, познания в персидской поэзии на экзамене в школе восточных языков). Но тут есть и соблазн: выдавать и дальнейшие угадки, гипотезы — в одном слитном ряду с добротным фактическим материалом?

А всех-то его фактических знаний хватает на проход всего лишь политической корки событий. Нет высоты общего понимания российской истории (где нашла бы место и оценка всей нашей закавказской завоевательной авантюры). И — нет проникновения как бы в «спинной мозг» жизни.

Да, труд в эту книгу вложен огромный, особенно в персидском материале. Но недостаёт роману — эмоциональной рельефности. Всё время ощущаешь сухость пера и рациональность автора (оттого, что всё родилось в исследовательских пределах). Автором движет проработанная схема и почти нигде — порывистое чувство. Поэтому: запоем — не прочтёшь, нужно перемежая. А нет силы чувства — так и исторические сопоставления не вызывают мурашек. В романе нет жизненного пульса (или вялый), нет сердечного жара. Ни к кому из персонажей Тынянов, кажется, не испытывает — оттого и у нас не вызывает — сочувствия, живого соучастия: аналитик, а не романист. О Грузии ещё нашлись у него тёплые слова, о России — нет таких слов. Холодность автора — холодит и образ главного героя: переданы трудности, сложности жизни, а живая радость, а непритязательное чувство — никак не пробьётся. (Но раз, глава 2, подглавка 28¹, верно схвачено, что несчастье, неудача может принести освобождение: «Не испытывавшие большой неудачи вовсе не знают, как можно свободно и полно вздохнуть».)

Авторская манера: струнная напряжённость над каждой страницей, как если б он боялся оказаться ниже заданной формы. В этом — нервность. (Как у Белого?) Он хочет достичь афористичности (и несколько неплохих афоризмов есть, а есть и вздорные перлы) — но разве хватит такого на роман? Во фразах разнообразит синтаксис, порядок слов. Но совсем неудачно частит с местоимением «он» вместо «Грибоедов» — хочет достичь напряжённой значительности, а возникает просто грамматическая несообразность, путаница смысла, неряшливость, сбивающая чтение. На фоне этой нервно-напряжённой прозы, как будто предельно сжатой (таково невыполнимое желание автора), — редчайшие фразы в традиционном стиле ласкают слух приятным контрастом: после предложения Грибоедова Нине старые женщины «долго сидели на

¹ В дальнейшем первой цифрой также обозначены главы романа Тынянова, второй — подглавки указанных глав. (Примеч. ред.)

крыльце и говорили тихо, очень тихо, опустошённые и уставшие, словно это они опять выходили замуж».

В приёмах его есть находки. Например — висящие полу-ничьи мысли в косвенной форме (не как мысль отчётливого персонажа) — это хорошо. (Увы, они бывают у него и навязчиво разъяснительны, пережим как в главе 2/15 с Нессельроде.) — Ещё хорош приём коротких размыслительных подглавок, как интерлюдий, обычно это — переходные, от эпизода к эпизоду, мысли Грибоедова. Такие часто повторяются, и это хорошо. Иногда в этих подглавках звучит даже полумузыкальное оформление (6/1—4, 10/1). — Надо признать, Тынянов успешно ищет свежие формальные приёмы. В развитие их есть у него и череды кратчайших подглавочек, просто — фрагменты, хорошо. — Уловил и приём коротких абзацев:

«Но.

Но нужна дружба с русским.

И.

И нужно действовать».

Ещё хорошо: в авторской речи иногда использование выражений того времени. Но — редко, больше бы.

А случайный въезд Грибоедова в Тегеран на вороном коне подобно убийце имама Хуссейна как толчок к расправе толпы — не сработал в рельефе, хотя и подан разрядкой. Ждётся второго конца коромысла — и как будто нету его (8/9).

А вот «пёстрые тексты» Тынянова, нанизывание в одну подглавку и подряд самых разнообразных фраз-абзацев, совсем о разных людях, событиях и даже в разных городах, только совпадая по времени, — кажутся мне неудачным винегретом. Пореже и поменьше — может быть сошло бы, а здесь — перебор такого (например 4/17, 5/24, 13/1).

Также малоуклюжи и короткие вставки петербургских фрагментов в грузинскую, в персидские главы: диссонируют с избранным построением книги.

Так же, считаю, полная неудача с эпитафиями: впечатление, что они поставлены по случайному выбору. А эпитафии из «Слова о полку» Тынянов усиленно вытягивает на значительность, ещё — и разрабатывает их в ходе главы (например 2/40) — это, по-моему, тоже перебор.

История кавказской политики как лекция (4/11) — не смею критиковать, поскольку сам обзорными главами пользуюсь ещё куда шире. — И форма дневника (доктора Абелунга, 5/2) хороша как приём для освежения (но — перебрана по содержанию).

А карикатуры — и никакого романа не красят, Тынянов же ими злоупотребляет едва ли не с развязностью: о тифлисских чиновниках (3/11), бал после эриванской победы, зло и невесело (4/15), бал для персидского принца, нагнетание иронии (13/15), а более всего — главы с Николаем I. Да кто этим не грешил? и Толстой в «Хаджи-Мурате». Сложился штамп, и все ему служат, не вникая.

На первой аудиенции у царя всё задвинуто придворным ритуалом и ничего человеческого. Может быть такого и не следует ждать, но зачем же — одна карикатура: «известный лик с подпирающим воротником, с тупеём» причёски, «улыбнулся подбородком: большой подбородок осел книзу», да два ничтожных вопроса. Плоско и зло. — На второй. Опять «известное лицо». Явно ложно изображает решительный, смелый характер Николая I: «важность голоса он вырабатывал с трудом в течение двух лет и боялся сомнения в себе», поэтому «полюбил внезапные решения, которых сам немного пугался», «обращение его было не мужское». Всё это натужная выдумка. И к ней добавлен выпад, вздорный для знающего историка: будто Николай «отвоевал престол и сидел на нём при живом законном наследнике». Тут же Тынянов вставляет свою зудящую тему: именно тут, при Грибоедове, Николай отказывает Пушкину в возврате

офицерского звания. (Или такой был урок от императора?) И в других местах книги рассыпаны злые и плоские остроуты о Николае.

Ничтожество Нессельроде исторически несомненно, тут бы Тынянову и карты в руки, но он даёт опять бесплотность, и карикатурную. От этого — истинное ничтожество не показано, заменено неправдоподобной глуповатостью. Неужели даже «не говорил по-русски»? «Еврейский нос дунул и немецкие губы сказали по-французски», «карлик», «печёная рожа». И следующие с ним сцены с большими переборами. Столь долго держась на своём посту, не мог Нессельроде быть таким безвольным. Сильно тут переиграно и пережато.

Рядом с ним мининдельский грек Родофиникин — гораздо живей и смыслённей, и неспроста едва не утянул к себе закавказский проект.

Совсем неожиданно для читателя — и может быть удачно — разработан Фаддей Булгарин — вполне жизненный, отходит от известного злодейского образа. Да ведь что-то и надо было Тынянову искать, раз Грибоедов даже дружил с Булгариным, хоть и поверхностно. Этот живой Булгарин искренно восхищается Грибоедовым, при нём никого других не видит, ревнует — и напротив без ревности даёт ему попользоваться своей сожительницей. Именно ему поручает Грибоедов хранение и возможное продвижение рукописи «Горе от ума». И при встрече с Родофиникиным в Летнем саду мы видим, что Булгарин верен Грибоедову. И вдруг, как спохватясь в политических соображениях, Тынянов даёт Булгарина в конце совсем уже другим: равнодушным к смерти Грибоедова, полуфальшивые слёзы и эгоистические мысли. Не увязано. Почему-то с большим опозданием (10/3) и не весьма кстати вставлены сведения о биографии Фаддея: в 1812 году, будучи русским офицером, он «предался французам, сражался против русских войск», потом попал в плен к своим — и, видимо, это обошлось ему безо всяких последствий.

Но — очень хорош, удался непреклонный генерал Ермолов. Сцена с ним, да наверно и нацело сочинённая (была ли такая встреча в 1828 в Москве?), — опять-таки одна из лучших в книге, глава 1/3.

Да и Чаадаев (1/5) вероятно соответствует жизни? Мы его мыслим совсем отвлечённо, а тут он — зримый, многогранный (и не без корысти). И Грибоедов спорит с ним хорошо.

Также мало известен нашему веку Сенковский. Обрисован очень неожиданно (2/8, 9) и, если верно с историей, то весьма ценно.

Однако что касается общей композиции романа и отбора материала, то здесь у Тынянова много неудач.

Рамки романа выбраны метко: от уже подписанного Туркманчайского мира до гибели Грибоедова. Узость интервала при многих драматических событиях давала возможность сделать роман плотным и динамичным. Однако этого не случилось. Действие течёт вяло, отвлекаясь на многое постороннее, иногда и на вовсе ненужное, роман размазан второстепенностями.

Ещё, мне кажется, Тынянов допустил такую ошибку: чтоб избежать дидактичности — рациональным расчётом равномерно разложил детали по всему объёму романа, дабы они потом у читателя сами сложились в стройное объяснение. Но многие детали — запоздали, образы складываются слишком медленно. Без того чтоб автору отдаться непосредственным толчкам сердца, без сплавления непринуждённым жаром — получается слишком разумная схема.

Драматичность действия начинает уплотняться с Тебриза, потом большое разводнение в персидском материале, а полная трагичность — только в последние два роковых дня в Тегеране: два дня «лишней задержки» отъезда. Очень уж длинный к ним путь. Роман разворачивается по рассудку.

Главы о Персии — как будто отдельный, совсем другой роман, настолько разительно сменился материал. Но конечно, должен же понять читатель и обстановку той страны. Тут-то и пригоживается боольшая эрудиция автора. Колорит достигается через множество персидских терминов, частью неразъяснённых

(очень утомляют), плохо-различимых нами тройных имён, эпизодами и эпизодами быта — но это сильно расслабляет сюжет. Вынужден автор? или это всё-таки избыточно? — разрабатывать и тему евнушества. Безусловно ярка одна сцена: на Монетном дворе у Аббаса, в полутьме и молчании переплавка канделябров и других ценностей для уплаты репараций. Не так легко было нарисовать картину разгневанной мусульманской толпы; более или менее удалась (11/5).

По всему объёму романа раскиданы в немалом числе совсем лишние или полулишние сцены, которые никак не служат движению замысла, а иногда — лишь демонстрируют историко-этнографическую эрудицию автора. Немало рыхлостей, пустот, безынтересностей со слугою Сашкой — только в самом конце книги запоздало осмысливаются. Перебраны, переиграны глупые шутки Сашки (как он читает Булгарина «царям», 4/10, — ну куда это!).

Много натаскано в книгу залётных фрагментов, эпизодиков, анекдотов, — это разрушает несомненный замысел и приступы автора писать сжатой, чеканной прозой. То вдруг сорвётся диссонансно — на вставке про XX век.

Вся глава 3 (путь на Юг) с дорожными эпизодами, лишними да и составленными искусственно, могла бы оживиться, если бы осветилась чувством родины, России, — но этого никак нет. — В главе 4 утомительно размазано родство семьи Чавчавадзе (во всей этой тифлисской главе повествование вяло опадает). В главе 5 тоже есть совсем излишние подглавки: излияния генерала Сипягина, да почти и вся поездка к Паскевичу, и две обзорных подглавки о нём (и всё — для темы декабристов). А эпизод с чумой, проникшей в войска от цыган, — это ведь уже совсем другая тема, турецкая война, зачем она сюда? Совсем уже избыточен и неостроумен балаган с карантинной пирушкой у Грибоедова. Ну и особенно лишняя — да когда? уже после смерти Грибоедова — дурацкая история между двумя приятелями вокруг портрета персидского принца (12/16), совсем и вообразить нельзя: зачем Тынянов тут её воткнул?

Русская тема затронута главным образом в форме критики и отвержения самодержавной государственности. В остальном — её вовсе нет в книге, а в случайных касаниях — отчуждённость и холодность. (И это — в книге о Грибоедове, столь чутком к русскому народному!) Чего стоит одно: у проходящих русских мужиков «были одинаковые лица» (1/2, и мысль приписывается Грибоедову) — неразличение, типичное во всякой новой обстановке для новичка, для чужестранца. Или: «нелюбопытный разговор простолудинов» (3/2), заведомо. И в гуляньи на Адмиралтейском бульваре (2/20) простонародье представлено подчёркнуто глупым. И на долгой протяжённости его бессмыслие демонстрируется нам слугою Сашкой. Лик простых людей оживляется лишь в солдатской палатке (сцена как бы и не тыняновского пера) — да всё оттого, что присутствуют разжалованные декабристы?

Но тут вносится важная и неисследованная тема: о дезертирстве обиженных или жаждущих воли русских солдат — в другие страны, вот — в Персию. (Да судьба ли этих несчастных солдат волнует автора, или возможность жёлчного укора императорской России?) О беглом вахмистре Самсоне, «новом Стеньке», Грибоедов угрожающе предупреждён прямым письмом от него самого: условиям о возврате по Туркманчайскому договору — не подчинюсь! Быт этих дезертиров в Персии — поражает, и требовал бы ещё более глубокой разработки. Сперва эта тема лежит как бы в стороне, как и другие побочные эпизоды в книге; потом она грозно выдвигается в той ошеломительной сцене вызывающего парада дезертиров мимо российского посольства. И вскоре за тем — именно вахмистр Самсон становится рычагом, опрокидывающим судьбу и жизнь Грибоедова.

— Несколько выражений:

«Тоска беззащитных городов сильнее всякой другой тоски на земле». (Ощущение горожанина.)

«Молодецки отслуженный молебен». (Хлёстко, но не справедливо.)

«Журналисты, сволочь мира сего, живущие за счёт дымящихся внутренностей». (Приписано Грибоедову. Зло, но очень метко.)

«Нина заплакала беззвучно... она засмеялась» (при выслушанном предложении; хорошо). И вскоре: «Грибоедов повис у Нины на губах» (плохо).

«Только эти звуки и были прохладны» (хорошо) — «Толстые ноги солдатики были прохладны, как Эльбрус» (и это — вовсе и не коснувшись их; плохо).

Л. Гинзбург записала в дневнике о «Вазир-Мухтаре»: «Удивительный образец какой-то мелкой гениальности. Роман скорее истерический, чем исторический. Неумение видеть и понимать людей».

Большой удачей не назовёшь, да. А ведь это — *нужный* роман, он лежит на магистральной дороге русской литературы и как бы сам просился быть написанным. И хорошо, что Тынянов взялся, а то б и никто не написал, это — конечно обогащение русского романа.

Только что уж за выбор? — по эпохе уже оторвавшись от советскости — утвердиться ещё и ещё одним из толмачей безнадёжно мрачного освещения русского XIX века?

